

Введение

Культура — сложнейший феномен, который определяет систему ценностей как общества в целом, так и его носителей — отдельных личностей. В процессе общения представителей разных культур происходит взаимная трансляция систем ценностей этих культур. Такая взаимная трансляция представляет собой процесс межкультурной коммуникации, под которым понимается процесс общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков, т. е. совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих разным культурам и языкам (И. И. Халеева).

Успешность процесса межкультурной коммуникации, равно как и успешность процесса изучения иностранного языка, определяется пониманием особенностей коммуникативного поведения людей, принадлежащих к разным культурам и говорящим на разных языках.

В настоящее время в связи с широким развитием российско-китайского взаимодействия в различных областях, в том числе в связи с сопряжением строительства Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, Россия испытывает потребность в специалистах-трилингах, владеющих китайским, русским и английским языками.

Понимание особенностей коммуникативного поведения языковых личностей разных этнических принадлежностей — китайской, русской и английской — будет способствовать эффективной подготовке таких специалистов.

Под этнической языковой личностью понимается совокупность речевых способностей и речевых характеристик личности определенной этнической принадлежности. Речевой портрет этни-

ческой языковой личности — совокупное описание характеристик воплощенной в речи языковой личности определенной этнической принадлежности.

Целью настоящего исследования является описание речевого портрета китайской языковой личности и его сопоставительный анализ с речевыми портретами русской и английской языковых личностей.

В качестве методологической базы исследования принят лингводидактический подход к пониманию языковой личности (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов и др.), в частности концепция языковой личности Ю. Н. Караулова, представляющая ее уровневую модель.

Методологическую основу исследования составили теории, разрабатывающие универсальные параметры культуры (Э. Холл, Г. Хофштеде, Г. В. Елизарова, А. П. Садохин, Чжэн Чжилян и др.).

Кроме того, методологической базой исследования послужили характеристики китайской культуры китайскими и отечественными исследователями (Чжан Кайюань, Гао Мин, Янь Шаотан, Ду Вэймин, Чжу Хуанхэ, Чэнь Вэнь, Лян Маочунь, Чао Минцин, Чжан Цинсюн, Ли Чэнгуй, Чэнь Чжэнфу, Хэ Чжицзин, У Гуанюань, М. Л. Титаренко, С. Л. Тихвинский, В. С. Мясников, В. М. Алексеев, Л. З. Эйдлин, Л. Д. Позднеева, А. В. Меликсетов, В. Я. Сидихменов, В. Н. Никифоров, Е. А. Коновалов, А. И. Кобзев, В. В. Малявин, М. Е. Кравцова, Б. Г. Доронин, В. Я. Портяков, М. В. Софронов, Н. А. Спешнев, М. В. Крюков, Л. С. Васильев, Л. С. Переломов, Э. С. Кульпин, А. Е. Лукьянов и др.).

Характеристики российской культуры определялись на основе анализа философских взглядов А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, Н. О. Лосского, П. А. Флоренского, П. Сорокина, Д. И. Менделеева, М. Л. Титаренко и др. на человека, природу и общество, гармонию, на понимание человеком смысла жизни, добра и зла, счастья, долга, личных добродетелей, способов их достижения.

Основу анализа характеристик западной культуры составили взгляды Э. Холла, Г. Хофштеде, А. П. Садохина, Г. В. Елизаровой, М. Г. Корочкина, В. Сафронова, В. Н. Кузнецова, А. С. Франц,

О. Е. Белянко, Л. Б. Трушиной, О. А. Леонтович, А. В. Павловской и др.

Авторская методика описания речевого портрета китайской языковой личности включила теоретическое и практическое исследования.

При составлении речевого портрета китайской языковой личности предварительно был произведен поиск научных работ и результатов исследований в названной области. Анализ показал, что в основном учеными исследовались английская (и ее американский вариант) и русская языковые личности; что касается китайской языковой личности, то такие исследования в нашей стране не проводились. Мы смогли найти лишь единичные характеристики коммуникативного поведения китайской языковой личности в работах Н. А. Спешнева, И. В. Мажарова, Н. П. Романовой, В. В. Багина, И. В. Романовой.

Практическое исследование заключалось в проведении лингвистического эксперимента. Основой проведения экспериментального исследования явились методы наблюдения, анкетирования, интервьюирования и экспертной оценки, применялась технология «снежного кома». В качестве инструмента исследования использовалась анкета.

В процессе лингвистического эксперимента нами было опрошено 202 человека в г. Яньтай провинции Шаньдун (КНР). Основной частью респондентов явились молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (61% — 123 человека), на вопросы анкеты ответили также жители г. Яньтай в возрасте от 30 до 39 лет (21% — 42 человека), от 40 до 49 лет (18% — 37 человек); 40% респондентов — студенты Шаньдунского института технологий и бизнеса (81 человек), 60% — заняты в различных сферах деятельности (121 человек). Также к интерпретации результатов эксперимента было привлечено пять экспертов, таким образом, общее количество участников эксперимента составило 207 человек.

В качестве параметров описания речевого портрета этнической языковой личности мы использовали универсальные параметры культуры в аспекте влияния характеристик той или иной культуры на коммуникативное поведение личности.

В результате применения названных методики и параметров исследования, а также данных теоретических работ в указанной области было описано коммуникативное поведение китайской языковой личности на основе значений китайской культуры по универсальным параметрам культуры. Также были сопоставлены характерные черты речевых портретов китайской, русской и английской (включая ее американский вариант) языковых личностей по каждому из параметров. При сопоставлении мы воспользовались результатами исследования, полученными при описании речевого поведения носителей англоязычных и российской культур (Г. В. Елизарова), а также результатами сравнительного анализа речевого портрета английской и русской языковых личностей (М. Г. Корочкина). В результате сопоставительного анализа мы получили достаточно объемные данные по каждому из параметров описания речевого портрета этнических языковых личностей, характеризующих их коммуникативное поведение.

Полученные результаты были апробированы как при подготовке российских студентов, изучающих китайский и английский языки в российских вузах, так и при обучении китайских студентов в России. Опыт использования результатов исследования показал, что полученные характеристики речевых портретов этнических языковых личностей являются дополнительным эффективным инструментом обучения и межкультурной коммуникации как в условиях интернационализации российского образования, так и в более широких процессах международного сотрудничества.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

1.1. Язык и культура: структурирование ключевых моментов взаимосвязи

Изучение этнической языковой личности предполагает исследование совокупности ее языковых и культурных составляющих. В связи с этим важное значение приобретает рассмотрение вопросов соотношения языка и культуры.

В понимании сущности языка существует двоякий подход. Ю. С. Степанов предлагает следующую оппозицию понимания сущности языка: когнитологическое понимание (язык — средство добывания знания и операций с ним) и созерцательно-философское понимание (язык — пространство философствования). Он отмечает, что оба понимания различны, «но они не противопоставлены, а взаимодополнительны... Если первый подход воплощает скорее современные лингвотехнические достижения, он — на высоте современной технологии, то второй лежит в сфере логико-философских поисков» [46, с. 35–36].

О. А. Корнилов высказывает сходную с Ю. С. Степановым точку зрения и выделяет два подхода в понимании сущности языка: инструментальный и культурно-философский. Инструментальный подход рассматривает язык в трех его основных ипостасях:

1. Язык как семиотический код, как знаковая система для шифровки информации.
2. Язык как инструмент коммуникации, средство оформления и регулирования информационных потоков.

3. Язык как инструмент мышления и познания, как «пространство мысли» (определение Ю. С. Степанова) [29, с. 131].

С точки зрения инструментального подхода язык рассматривается как системно-уровневое образование, с помощью которого формируется понятийное (вербальное) мышление человека и опосредствуется развитие всех его высших психических функций и которое является основным способом человеческого общения, социализации и приобщения человека к культурно-историческим ценностям. С данных позиций язык исследовался В. Гумбольдтом, Ф. де Соссюром, А. А. Потебней, Л. С. Выготским, В. В. Виноградовым, С. Л. Рубинштейном, Л. В. Щербой и другими выдающимися исследователями.

Однако рассмотрение языка только с точки зрения инструментального подхода является неполным, поскольку язык не только знаковая система, инструмент коммуникации и орудие мышления и познания. «Любой этнический язык много шире перечисленных трех ипостасей, — отмечает О. А. Корнилов, — ...помимо всего прочего — язык это вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества, которым можно пользоваться не только для конкретных нужд общения, сообщения и хранения информации, оформления логических операций, но и для того, чтобы просто наслаждаться им, созерцать его богатство и неповторимость. Каждый этнический язык — это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [29, с. 133].

Это определение О. А. Корнилова есть четвертая ипостась языка, оно выражает суть культурно-философского подхода к языку. С точки зрения культурно-философского подхода язык рассматривается как «дом бытия человека» (М. Хайдеггер), «дом бытия духа» (Ю. С. Степанов), а этнический язык как «дом бытия духа народа-этноса» (О. А. Корнилов) [29, с. 133]. Такой подход дает возможность рассматривать национальный язык как национальную языковую картину мира.

О. А. Корнилов отмечает, что органичное, целостное восприятие языка предполагает его восприятие во всех четырех ипостасях.

«Язык — и знаковая система, код, и инструмент коммуникации, и инструмент познания, и коллективное национальное творение — “дом бытия духа народа”, которое призвано отражать и сохранять для последующих поколений национальную языковую картину мира» [29, с. 133].

С целью определения понятия «культура» мы проанализировали его различные дефиниции. Всю совокупность существующих определений данного понятия можно разделить на несколько подходов: антропологический, психологический, социологический, исторический, когнитивный, семиотический и др. Среди множества подходов к определению понятия «культура» в целях нашего исследования оптимальным будет семиотический подход (К. Леви-Стросс, К. Гирц, Г. В. Елизарова и др.), поскольку он основан на понимании культуры как системы знаков, репрезентирующей мир, которая используется как средство общения. Под культурой мы, вслед за К. Гирцем, будем понимать систему общественных значений, закодированных в символах и выражаемых в поведении, которое рассматривается как символическое (знаковое) действие. Такие символы (знаки) являются публичным выражением общепринятых подходов, убеждений и практик и гарантируют взаимопонимание среди тех, кого можно причислить к одной и той же культуре [63, р. 5]. При семиотическом понимании культуры все ее формальные проявления, включая язык и речь, отсылают носителей этой культуры к системе присущих ей значений. Как отмечает Г. В. Елизарова, «...конвенциональные культурные значения, с одной стороны, кристаллизуются в ходе социальной практики, а с другой, отражаются в ментальной реальности носителей культуры и обуславливают интерпретацию индивидом окружающей действительности. Однако культурные значения не замыкаются на мыслительных концептах, они обладают динамичной природой, связаны с действительностью и существуют во взаимодействии с нею» [23, с. 33].

Исходя из сказанного, можно заключить, что семиотический подход к определению культуры позволяет рассматривать культуру и язык под одним углом зрения, как явления одного порядка.

Проблема соотношения языка и культуры изучалась многими учеными (Ф. Боас, Б. Малиновский, С. А. Артановский, Э. Сепир, Б. Уорф, Б. А. Серебрянников, Р. М. Фрумкина, А. Д. Райхштейн, О. А. Корнилов, Ю. Д. Аперсян, И. Е. Бобрышева, В. Б. Борщев, Г. А. Брутян, В. Гумбольдт, В. А. Звегинцев, Е. И. Кукушкина, Э. С. Маркарян, В. А. Пищальникова, С. Г. Тер-Минасова, Г. В. Елизарова, В. В. Сафонова, Ю. В. Бромлей, А. П. Садохин и др.). Вне зависимости от принадлежности к конкретной научной школе ученые признают исключительно важную роль языка как одного из аспектов культуры.

Для наглядного понимания соотношения языка и культуры мы проанализировали существующие на сегодняшний день модели культуры. Наиболее известными из них являются: «слои культуры» (Ф. Тромпенаарс), «луковица культуры» (Г. Хофстед) и «айсберг культуры» (Е. Холл) [36, с. 30].

Ф. Тромпенаарс выделил следующие основные слои культуры: внешний — артефакты и продукты (институты, существующие в обществе), средний — нормы и ценности (правила поведения в обществе и устремления его членов), сердцевина — базовые представления (скрытая суть культуры). Артефакты и орудия труда Ф. Тромпенаарс относит к эксплицитной (поверхностной) культуре. Она включает то, с чем мы сталкиваемся при первом знакомстве: *язык*, национальную кухню, здания, сооружения, сельское хозяйство, рынок, моду и т. д. Все это является символами более глубоких, сущностных уровней культуры — норм и ценностных установок, отражающих базовые представления наблюдаемой культуры [70].

Г. Хофстеде представил свою модель культуры в виде луковицы и выделил два уровня: внешние кольца — опыт (символы, герои, ритуалы) и сердцевину — ценности. Символы представляют собой семиотические знаки — *слова*, жесты, образы, одежду, объекты, любые знаки [65].

Е. Холл изобразил модель культуры в виде айсберга. Значимые части культуры (нормы и ценностные ориентации) полностью скрыты — это подводная часть айсберга. В надводной части айсберга находится то, что является очевидным (искусство, законы,

обычаи, ритуалы, жесты, стиль одежды, еда, *речевые ритуалы* и т. д.) [64].

При некоторых различиях существующих моделей очевидно, что язык как знаковая система занимает положение во внешних структурных компонентах моделей, т. е. является «видимым», «поверхностным» элементом культуры. Вместе с тем этот элемент, как и все другие, имеет свои корни, проникающие и питающиеся из внутренних, «скрытых» компонентов культуры — норм, ценностей, базовых представлений.

Вопрос взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимодействия языка и культуры исследовался целым рядом отечественных и зарубежных ученых.

В. фон Гумбольдт первым систематизировал представление о языке как о картине мира. По образному определению В. фон Гумбольдта, язык — это душа нации, в нем запечатлен весь ее «национальный характер» [15, с. 370].

Американский антрополог Ф. Боас большое внимание в своих исследованиях посвятил соотношению языка и культуры. Он считал, что знание иностранных языков является ключом к пониманию культуры их носителей. Нельзя понять другую культуру без непосредственного доступа к ее языку. Ф. Боас полагал, что любое «чисто лингвистическое исследование является неотъемлемой частью скрупулезного исследования психологии народов мира» [61, р. 52].

Говоря о взаимосвязи языка и культуры, Э. Сепир подчеркивал, что из всех аспектов культуры язык был первым получившим высоко развитую форму и в своем совершенстве являлся условием для развития культуры в целом. О связи культуры и языка Э. Сепир писал, что культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, а язык — как думают. Он подчеркивал, что содержание языка неразрывно связано с культурой [43].

Б. Уорф утверждал, что структура любого языка содержит в себе теорию структуры миропонимания соответствующего народа: «Каждый язык представляет собой огромную модель — систему, отличную от других, в которой существуют культурно-предписанные нормы и категории, посредством которых личность не

только общается, но также анализирует природу, замечает или игнорирует отношения и явления, направляет свои рассуждения и строит мир своего сознания» [71, p. 252].

В отечественной науке А. Д. Райхштейн одним из первых сформулировал идею отражения культуры нации в языке. Необходимым условием для правильного понимания иноязычных текстов зарубежной литературы он определил знание национально-культурного контекста произведения [39, с. 10]. Одним из важнейших достижений ученого является обоснование им аналитического подхода к изучению культурного контекста зарубежного произведения в сопоставлении с культурой собственного народа.

О. А. Корнилов считает, что знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будут неполными и в некотором смысле даже поверхностными, если в поле зрения человека, обратившегося к этой культуре, не окажется такого основополагающего компонента, как склад мышления нации, национальная логика мировосприятия и мирооценки. Национальный склад мышления зафиксирован в национальном языке представителей данной культуры. Ученый выстраивает следующую цепочку постижения другой культуры: непохожесть культур — осознание этой непохожести — попытки найти «коэффициент понимания» другой культуры — «коэффициент понимания» = особый склад национального мышления — отражение и фиксация склада национального мышления в языке. Отсюда следует закономерный вывод о неразрывности связи культуры народа и его языка [29].

По мнению Г. В. Елизаровой, связь языка и культуры носит релятивный характер. «Культура формирует языковую картину мира ее носителя и репрезентируется в структуре соответствующего языка, во-первых, в его лексических и грамматических единицах, а во-вторых, в моделях речевой деятельности. Речевая деятельность осуществляется на основе когнитивных фреймов, отражающих как природу дискурса в целом, так и природу отдельных речевых актов. Культурный компонент значения и языковых единиц, и речевых фреймов обладает индексальным характером и отсылает к системе ценностей соответствующей культуры» [23, с. 108].

С. Г. Тер-Минасова отмечает, что тесная взаимосвязь таких явлений, как язык и культура, очевидна, и выделяет следующие роли языка по отношению к культуре:

- язык — зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира;
- язык — сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи;
- язык — передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений;
- язык — орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения;
- язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива [48].

Ю. В. Бромлей считает, что язык как один из видов человеческой деятельности оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и, главное, *как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой* [5, с. 48].

А. П. Садохин, проанализировав взгляды ученых на проблему соотношения языка и культуры, выделяет три подхода.

Первый подход рассматривает взаимодействие языка и культуры как движение в одну сторону (С. А. Артановский, Г. А. Брутян, Е. И. Кукушкина, Э. С. Маркарян и др.). Суть подхода заключается в том, что язык отражает действительность, неотъемлемой частью которой является культура. Изменения в действительности влекут за собой изменения в культуре, что находит отражение и в языке. Обратное движение — от языка к культуре — при таком подходе остается открытым.

Ко второму подходу А. П. Садохин относит гипотезу лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, согласно которой все люди видят мир по-разному — сквозь призму своего родного языка. Язык не просто инструмент для воспроизведения мыслей, он сам формирует наши мысли, он — основа картины мира каждого человека. Таким образом, согласно теории лингвистической относительности, язык обуславливает способ мышления говорящего на нем народа. Способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие его субъекты. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который может быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [50, с. 174]. Таким образом, реальный мир создается благодаря языковым особенностям данной культуры.

Согласно третьему подходу (Б. А. Серебренников, Р. М. Фрумкина и др.) язык полагается составной частью культуры, которую мы наследуем от наших предков. Он выступает основным инструментом, посредством которого мы усваиваем культуру. Концептуальное осмысление культуры возможно только посредством ее естественного языка, поскольку понимание сущности культуры возможно лишь через рассмотрение явлений этой культуры как кодов, формируемых подобно кодам естественного языка [41].

На основании анализа работ перечисленных философов, культурологов и лингвистов мы можем сделать вывод о том, что язык — неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее исторической, географической и других детерминант, но и понимание образа мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителя этой культуры с их «точки зрения». Такое понимание образа мышления, особенностей менталитета нации возможно лишь через этнический язык, на котором говорят представители данного культурного социума. Особенности национальной культуры и национального образа мышления отражены в этническом языке и проявляются в коммуникативном поведении личности данной этнической принадлежности.

1.2. Языковая личность и аспекты ее реконструкции

Термин «языковая личность» впервые был введен В. В. Виноградовым, определившим пути описания языковой личности автора и персонажа на материале художественной литературы* [24, с. 4].

В современной науке языковая личность рассматривается как целостный феномен, в котором интегрированы результаты междисциплинарных лингвистических исследований (психолингвистических, лингводидактических и лингвокультурологических). Проблему языковой личности изучали Н. Д. Арутюнова, Г. И. Богин, С. Г. Воркачев, В. В. Виноградов, И. Н. Горелов, В. И. Карасик, М. В. Китайгородская, В. В. Красных, Ю. Н. Караулов, Л. П. Клобукова, Т. В. Кочеткова, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, И. И. Резвицкий, К. Ф. Седов, С. А. Сухих, К. Н. Хитрик, В. И. Шаховский и др.

* Цит. по кн.: Иванцов Е. В. Феномен диалектной языковой личности. — Томск: Том. ун-т, 2002. — 312 с.

В исследованиях языковой личности в основном выделяют два направления: лингводидактическое и лингвокультурологическое [1, с. 14]. Предметом лингводидактических исследований является индивид как совокупность речевых способностей [1, с. 14]. Предметом лингвокультурологических исследований выступает «национально-культурный прототип определенного языка» (по С. Г. Воркачеву).

Одним из основоположников модели языковой личности в рамках лингводидактического подхода является Г. И. Богин. По Г. И. Богину, языковая личность — это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и понимать произведения речи. Языковая личность — один из компонентов существования языка, это — тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь» [4, с. 1]. Языковая личность последовательно овладевает в процессе своего развития пятью уровнями: правильностью, интериоризацией, насыщенностью, адекватным выбором, адекватным синтезом.

В рамках лингводидактического подхода необходимость обращения к человеку, а именно к языковой личности, при изучении языка была обоснована Ю. Н. Карауловым. Он отметил, что «так как невозможно изучать какой-то один из аспектов научно-лингвистической парадигмы о языке, то выход можно видеть только в обращении к человеческому фактору и введении в лингвистическую парадигму языковой личности как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [26, с. 22]. Ю. Н. Караулов разработал методику реконструкции языковой личности и определил ее как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью...» [26, с. 3].

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, «языковая личность — это личность, выраженная в языке (в текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе

языковых средств. Это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [26, с. 38]. Ю. Н. Караулов определил языковую личность как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой — по уровням языка, т. е. фонетике, грамматике и лексике» [26, с. 29].

Структуру языковой личности Ю. Н. Караулов представил состоящей из трех уровней:

- 1) вербально-семантического (или нулевого). Этот уровень предполагает для носителя нормальное владение естественным языком. Единицами нулевого уровня выступают отдельные слова, а также грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические и ассоциативные отношения между ними. Этот уровень называют лексиконом личности, включающим фонетические и грамматические знания личности;
- 2) лингвокогнитивного (логико-когнитивного, тезаурусного или первого). Первый уровень предполагает отражение в языке модели мира. Единицами уровня являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей личности. В тезаурусе личности запечатлен образ мира и система знаний о нем;
- 3) мотивационно-прагматического (мотивационного или второго). Второй уровень подразумевает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности и ее поведением, управляющих ее текстопроизводством и определяющих иерархию смыслов и ценностей модели мира в ее языке. Этот уровень позволяет осуществить переход от речевой деятельности личности к осмыслению ее реальной деятельности. Единицами второго уровня выступают коммуникативно-деятельностные по-

требности, обусловленные социально-деятельностным поведением личности, т. е. ее прагматиконом — системой целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей личности [26].

Согласно предложенной Ю. Н. Карауловым уровневой модели языковой личности, она как субъект языка проявляется главным образом на лингвокогнитивном, тезаурусном уровне функционирования [26]. На втором (мотивационно-прагматическом) уровне языковая личность сливается с социальной [14, с. 67].

В лингвокультурологическом подходе выделяется несколько школ, разрабатывающих проблему языковой личности. Среди них школа Ю. С. Степанова (описание констант культуры в диахроническом аспекте), школа Н. Д. Арутюновой (изучение универсальных терминов культуры на материале разных народов и разных времен), школа В. Н. Телия (исследование языковых сущностей с позиции рефлексии носителя живого языка с помощью имитации речедетельностных ментальных состояний говорящего), школа В. В. Воробьева, В. М. Шаклеина и др. (исследования безэквивалентной лексики) [34, с. 29].

Кроме выделения лингводидактического и лингвокультурологического подходов существуют и другие классификации подходов к изучению языковой личности. Так, С. Г. Воркачев отмечает, что «понятие “языковая личность” образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» [11]. Ученый также подчеркивает, что этот термин носит интеграционный и многомерный характер, что обуславливает неоднозначность и многоаспектность его понимания в лингвистике. В зависимости от параметров (уровень абстракции, качественная область) этот термин может рассматриваться как «личность индивидуальная, групповая и базисная» либо как «личность физическая, социальная и духовная» [11]. С. Г. Воркачев выделяет три основных подхода в понимании языковой личности. Он отмечает, что под «языковой личностью»

понимается «человек как носитель языка» (по Г. И. Богину), взятый со стороны его способности к речевой деятельности, то есть комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения, по существу, личность речевая. Под «языковой личностью» также понимается совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, — личность коммуникативная (по С. А. Сухих). И, наконец, под «языковой личностью» может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, — личность «словарная» (по В. И. Карасику), этносемантическая [10, с. 115].

Предложенная Ю. Н. Карауловым уровневая модель языковой личности оказалась востребована разными подходами, поскольку представляет собой обобщенный тип личности, вариациями которого может быть множество разных личностей. Созданная Ю. Н. Карауловым модель предоставила возможность изучения языковой личности с различной степенью обобщения, что предопределило развитие исследования структуры языковой личности по пути построения аспектных моделей [3]. На сегодняшний день разработано множество аспектов изучения языковой личности: полилектная и идиолектная (В. П. Нерознак), этносемантическая (С. Г. Воркачев), элитарная (О. Б. Сиротина, Т. В. Кочеткова), семиологическая (А. Г. Баранов), русская (Ю. Н. Караулов), языковая личность и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко), словарная (В. И. Карасик), эмоциональная (В. И. Шаховский) [34], диалектная [24], гендерная (А. Г. Фомин) [51], коллективная языковая личность XV–XVI веков (И. Ю. Юрицин), акцентуированная языковая личность (Я. А. Бондаренко), харизматическая языковая личность (А. В. Гайдаенко) [12]. Аналогичные исследования можно найти в трудах С. Taylor, Н. White, Т. К. Fitzgerald, М. Keith, S. Pile, J. Shotter, К. J. Gergen и др.

Языковая личность, по Ю. Н. Караулову, это наполненное дополнительным содержанием общее понятие личности. Согласно исследованиям А. Г. Фомина, который изучил корреляцию психологических понятий «личность» — «сознание» с психолингвистическими «языковая личность» — «языковое сознание», следует, что «языковая личность трактуется не только как часть объемного и многогранного понимания личности в психологии (как субъекта, осознанно совершающего поступки), не как еще один ракурс ее изучения наряду, например, с «этической», «юридической», «экономической личностью», а как вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психологические, и социальные, и этические, и другие компоненты, но преломленные через язык» [51, с. 126]. Этой идее созвучны мысли В. А. Масловой, которая выделяет несколько составляющих языковой личности: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное. Она отмечает, что, воздействуя на любую ипостась личности, можно воздействовать на все остальные стороны личности адресата. Языковая личность вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурным смыслом информации, включенной в коммуникацию [34].

Что касается иноязычного общения, то ученые в основном пользуются термином «вторичная языковая личность». Концепция формирования вторичной языковой личности была впервые предложена И. И. Халеевой [52]. Эта модель базируется на концепции Ю. Н. Караулова и предназначена для актуализации языковой личности на межкультурном уровне.

В самом общем виде вторичная языковая личность определяется как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур [13].

Согласно уровневой модели языковой личности Ю. Н. Караулова, вторичная языковая личность определяется как совокупность способностей осуществлять иноязычную текстовую деятельность на трех уровнях: вербально-семантическом (способность воспри-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru